

Я БУДУ ЖДАТЬ ТЕБЯ В УИЖЕ



АНДРЕЙ СОКОЛОВ

12+

Андрей Соколов

Я буду ждать тебя в Уиже

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Соколов А.

Я буду ждать тебя в Уиже / А. Соколов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Миссия ООН в Анголе – что может быть достойнее для военных летчиков России. Африка – мечта для многих. 1992 год. Гражданская война остановлена. Страна живет подготовкой к первым многопартийным выборам президента и парламента. В столицу северной провинции Уиже прибывают экипажи вертолетов Ми-8 для выполнения совместных задач с наблюдателями ООН из Канады, Голландии, Швейцарии, десятка других стран. Но почему Комитет помощи беженцам при ООН в этом регионе сразу же меняет своего представителя, симпатичного блондина, на обворожительную брюнетку? А политика? Чьими руками ведется борьба за голоса избирателей на севере Анголы? На что готовы пойти соперники и их спонсоры? Как сложатся судьбы участников миссии, названной ЮНАВЕМ-2? И главный вопрос: на что способна любовь на этой трудной планете? Автор: Андрей Регович Соколов родился в апреле 1965 года – военный переводчик, служил в Афганистане и Анголе.

© Соколов А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Август – зимний месяц	8
Выбор	10
Поворот	12
У Дона Педро	15
На вилле докторов	17
Глава 2. Принцесса	21
Геркулесовая каша	23
Две Венеры и песня	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Соколов

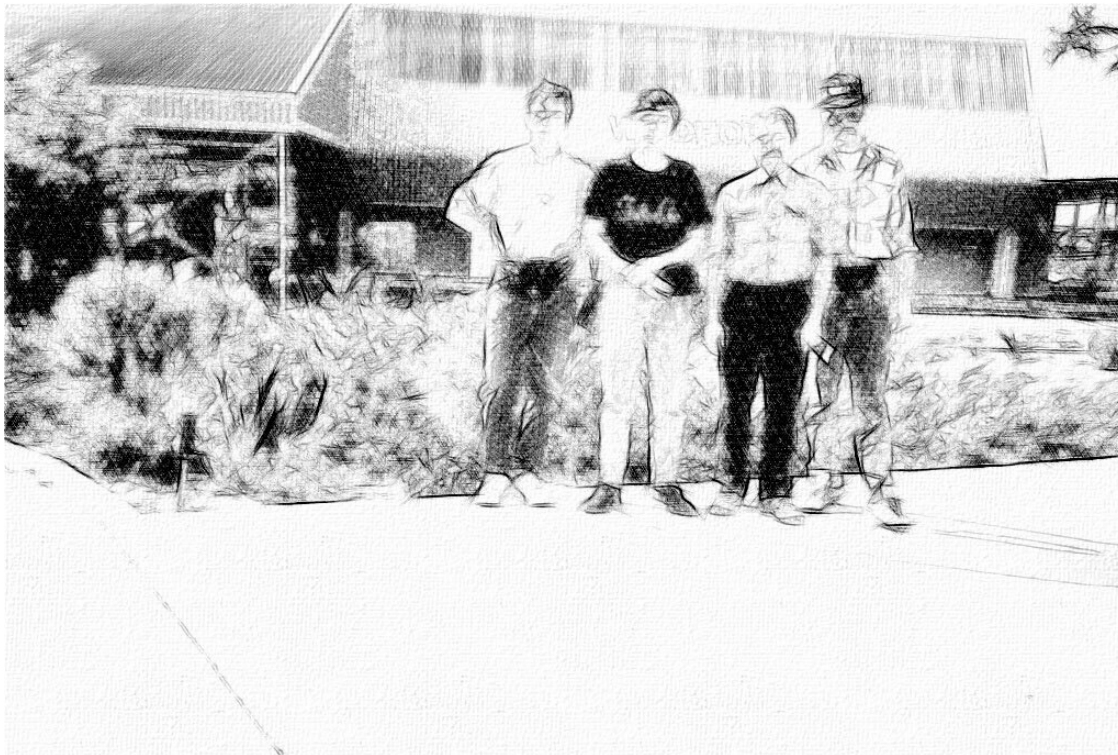
Я буду ждать тебя в Уиже

*Все персонажи и описываемые события являются
вымышленными.*

Любое совпадение с реальными людьми или событиями – случайно.

Сергею Малику посвящается.

Вместо предисловия



– *Luanda to United Nations Zero Six! Executive start and you are cleared for takeoff!*

– *Roger, Luanda! United Nations Zero Six, Executive and off!*

– *Luanda! United Nations Zero Six born in the air on 12–03. Thank you for cooperation, bye!*¹

Наш экипаж родился в Луанде в воздухе, прямо над взлёткой. Полдень двенадцатого августа 1992 года был особым для пяти бортов, взявших курс на север, в провинцию Уиже, нашу базу и новый дом на ближайшие три месяца.

Уставшие от развалов, путчей, Беловежских соглашений, финансовых реформ и девальваций, мы вырвались за железный занавес в свободный воздушный океан, навстречу новой жизни.

Небо Анголы встречало нас бескрайним горизонтом – видимостью «миллион на миллион» в разгар африканской зимы. Наши души захлёстывал восторг свободы, яху!

Недаром в английском радиообмене прижилось слово «Роджер!» – «Вас понял! ОК!». Нет, этот Роджер – чёрное полотнище, трепещущее в душе каждого лётчика! Вопрос лишь в малом: контролируют тебя наземные службы с помощью своих драных радаров или есть возможность вырваться за их флажки – лететь вольно как птица!

Четыре года назад многие из нас теперешних, несущихся навстречу приключениям под ооновскими позывными, бились на афганской войне за себя, за свою страну – и против всех.

И вот мы – часть единого человечества, миссия «ЮНАВЕМ II»², Объединённые Нации: Зиро Ван, Зиро Фор, Зиро Сикс... И не суть важно, что в Питере перекрасить в белый цвет

¹ – Диспетчер Луанды для борта Объединённые Нации Ноль Шестой! Вам разрешён исполнительный старт и сразу взлёт!– Вас понял, Луанда! Объединённые Нации Ноль Шестой. Исполнительный и сразу взлёт!– Луанда! Объединённые Нации Ноль Шестой, колёса в небе 12–03 («родился в воздухе», докладываю взлёт). Спасибо за сотрудничество! Всего хорошего!

² Контрольная миссия ООН в Анголе (ЮНАВЕМ II – UNAVEM II) развёрнута в июне 1991 года для контроля и реализации

успели только четыре вертолѐта из дюжины, а на нашем камуфляжном даже броню после Афгана снять не успели, лишь белой краской пробили трафарет «UN-06». Главное – в душе и что у нашей Василисы-МТ (вертолѐт Ми-8) отличные движки, у экипажа – боевой, проверенный горячим южным небом командир Илья Симаков и надёжный бортач Владимир Волков!

Ветер перемен – скорый и бесповоротный! Он не просто треплет волосы, со свистом врываясь в грузовую кабину, стоит лишь немного сдвинуть боковую дверь. Он создаёт воздушный мост, такой прочный, что восьмитонные машины летят по нему без оглядки, как по автострате, и поют навстречу ветру битловский «Хей, Джуд», песню, ставшую гимном нашей миссии:

– На, на, на, на-на-на-а-а, на-на-на-а-а, хей, Джуд!

И назад не повернуть! И тащит ветер из столицы Луанды на аэродром в Уиже двадцать восемь счастливиц, которым выпала судьба работать на первые многопартийные выборы президента и парламента Анголы в северных провинциях страны, вместе с наблюдателями ООН, конечно.



Глава 1. Август – зимний месяц

Аэропорт в Уиже встретил подозрительным молчанием. Вышка сдохла. На полосу зашли по-самолётному и тут же разбежались по рулёжным дорожкам, чтобы не сбить какого-нибудь «Геркулеса»³

Из тени металлических ангаров выскочили чернокожие бойцы в тёмно-зелёной униформе, хорошо, что без автоматов, и, деловито размахивая руками, направили «восьмёрки» на места стоянок, справа от перрона. Два белых, три зелёных вертолёта заглушили двигатели, и на поле высыпали русские лётчики – пёстрые, счастливые.

Солнце. Земля цвета кирпича, чахлые пальмы и одноэтажный аэропорт с фонарём диспетчеров и тремя антеннами на крыше. Подъехали ооновские джипы, ниссаны, тойоты, лихо припарковались у перрона. Из щелей выползла галдящая ангольская детвора, оттеняя белых миссионеров.

– Ребята! Добро пожаловать в Уиже! – Из машины вышел добродушный мужик с корейским лицом и остатками волос на висках – заправский агроном, в тёмных брюках, синей рубашке с закатанными рукавами, свой в доску. – Подходите, будем знакомиться, – радушно протянул он руку. – Я доктор, Николай Николаевич, помогу вам освоиться на новом месте. Это Майкл из Канады, – представил он невысокого человека в зелёной ветровке, с бородой и длинными вьющимися волосами до плеч, – руководитель миссии ООН в Уиже, ваш куратор. Это Ян, Голландия, наш полисмен, отвечает за безопасность, – указал доктор широкой ладонью на крупного загорелого парня с военной выправкой, стрижкой «ёжик», в песочной форме с шортами.

Оба иностранца так радушно улыбались напиравшим на них лётчикам, что казалось, с детства обожали только русских.

– Гостиница готова, – без лишних сантиментов продолжил «председатель», – считайте, лучшая в городе. Этаж четвёртый, верхний, солнечная сторона – не замёрзнете. С водой проблемы. Но это у всех. Есть бочка, ведра – прорвёмся. Пить строго из бутылок!

– Это мы согласны, – весело зашумели прибывшие.

– Дали бы немного денег! Третий день в Анголе, а всё как птицы, – выразил наболевшее кто-то весёлый и задиристый.

– Питаться будете в ресторане, напротив гостиницы, – продолжал доктор, не удостоив реплику вниманием, – командировочных выдали на три дня – завтраки и ужины. Обеды – на борту американским сухим пайком, на днях доставят. Местная валюта – кванзы, инфляция – пять процентов в день, поэтому с долларом хроническая задержка. Работать начнём завтра. Зачем вам деньги? Считайте, здесь сухой закон! Так всем будет легче. Для экипажей до аэродрома – вот «Лендкрузер», правда, трёхдверный. Есть ещё «Дефендер», большой зелёный, вмещает два экипажа, но он в ремонте. Огромная просьба, мужики, чистый авиационный керосин в бак не лить! Хотя бы мешайте пополам с дизелем. Пока ездить придётся по очереди или с наблюдателями. Ооновский городок за углом гостиницы. Если я не ответил на какие-то вопросы, задавайте!

Лётчики, воодушевлённые речью предводителя, стояли и улыбались. Никто не ждал от Анголы манны небесной, а что будут джипы, рестораны – даже не мечтали.

На перроне человек тридцать африканцев в цветастых одеждах, с чемоданами, узлами и детьми, выстроились в очередь на посадку. Аэродромный служащий подкатил к двухмоторному «Дугласу» местных авиалиний трап-стремянку на двух колёсиках.

– Валери! – раздался крик утопающего.

³ Американский военно-транспортный самолет С-130 «Геркулес».

Высокий белокурый парень в серой плащовке заметался в центре, выглядывая над головами чернокожих пассажиров, с грохотом бросил под ноги сумки и побежал навстречу въезжающему через шлагбаум «Лендкрузеру». Белый джип с мощной антенной на переднем бампере, с чёрными буквами UNHCR⁴ на борту лихо зарулил, припарковался рядом с другими ооновскими машинами. Дверь тойоты распахнулась, на бетон выпрыгнула худенькая шатенка в джинсах, зелёном свитере и с улыбкой пошла навстречу блондину. Они обнялись.

– Какая неожиданная сцена на краю земли, – обратил внимание товарищей борттехник Волков, лысеющий со лба рыжеватый здоровяк в камуфляжном комбинезоне, чей экипаж на фланге был ближе к «Дугласу».

– Ну, она-то к нему не так сильно пылает, сразу видно, – вставил штурман Бикбаев, большой знаток любовных отношений, в застёгнутом под горло чёрном спортивном костюме, в бейсболке той же масти с красными «NY» во лбу.

Лёгкий ветерок доносил обрывки фраз красивой пары, прощавшейся у трапа самолёта.

– Всё правильно! – добавил командир экипажа Илья Симаков, коренастый лётчик в розовой рубашке. – Пусть проваливает! Нечего тут французу делать, когда русские прилетели!



⁴ Комитет помощи беженцам при ООН.

Выбор

Серебристый «Дуглас» завёл дуэт двух стареньких моторов и по рулёжке побежал в начало полосы. Разбег, отрыв – всё эталонно! Лётчики у перрона как по команде повернулись в его сторону и замерли, восхищаясь красотой момента. Где ещё такой раритет увидишь? А «старичок» с лукавой улыбкой нырнул в воздушный океан, убрал шасси: знай, мол, наших, это Африка!

Взлёт «Дугласа» был как добрая, забытая песня из старого кинофильма – нарисовала титры на голубом экране, зацепила душу и растаяла.

На лётном поле одинокая девушка, приставив ладонь ко лбу, провожала взглядом серебристый лайнер. Имя Валери, произнесённое молодым французом минуту назад, теперь знал весь лётный отряд.

– Освобождённая женщина Анголы! – сдохмил бортехник Волков и повернулся к товарищам.

Народ оживился, зашумел. Со всех сторон посыпались реплики: от простых «У нас в Торжке на лётном поле бабы не гуляют» до абсурдных «И у вас на Рижском взморье будет личный водолаз». Картина никого не оставила равнодушным. Майкл, Ян и Николай Николаевич снисходительно улыбались, поглядывая на растревоженную толпу авиационных рекрутов из России.

Валери, постояв ещё с минуту, с приветливой улыбкой двинулась в сторону лётчиков.

– Кроссовки, джинсы, тонкий свитер и шаловливый завиток, – не унимался Волков.

– Где ты видишь завиток? – не согласился командир Симаков, брюнет с короткой стрижкой и густыми аккуратными усами, разглядывая иностранку сквозь тёмные очки-капельки. – Прямое французское каре!

– Не с-спорьте, пацаны! – добавил, чуть заикаясь, весёлый штурман Бикбаев и повис на плечах товарищей. – Мирей Матье! Собственной персоной. На крутом авто!

«На обложке винила лицо певицы выглядело круглее», – вспомнил Авдеев, новый борт-переводчик экипажа, тощий брюнет с длинным носом, в жёлтой майке, но мнение решил оставить при себе.

– Не понял, Серёня! Ты-то куда?! Без году неделя как женился, а туда же?! – наехал на молодого сорокалетний бортехник, надвинув штурману козырёк бейсболки на лоб.

– Да ну тебя, Вован! Ты, что ли, не женат?! – насупился Сергей, сорвал кепку и принялся расчёсывать пальцами вьющуюся чёрную шевелюру.

– В авиации, сынок! – ухмылялся Волков. – Двадцать лет в браке – это срок! В Африке он даёт большие льготы.

– Бонжур! Боа тарде! Хай! – с улыбкой окинула взглядом Валери мужчин и протянула руку шефу миссии. – Моя машина, Майкл, в вашем распоряжении.

– Ребята! Цигель! – скомандовал доктор, оторвав взгляд от списка лётного состава. – Первый экипаж со мной! Второй с Майклом, третий – с Яном! Кто может водить тойоту?

Повисла пауза.

– Командир, не возражаешь? – обратился Авдеев к Симакову.

– Давай! – кивнул тот.

– Я могу, – предложил себя бортпереводчик.

Ребята из экипажа Дмитриева рядом делали вид, что считают ворон.

– Отлично! Держи! Вот ключи, вон тойота, – без лишних формальностей передал права на иномарку доктор, хлопнув Авдеева по руке. – Симаков, грузитесь! Дмитриев, тогда вы – с Валери. Ребята, по коням! Встречаемся у гостиницы «Пара Эстреллас».

Хитрость удалась – крутой «Лендкрузер» с француженкой уплыл к фартовым. Дмитриевцы ликовали.

– Зря я встрял с машиной, – оправдывался Виктор, усаживаясь на место водителя старенького джипа с потёртыми бамперами.

– Упустили! – сожалел штурман, с завистью наблюдая, как другие грузились в шикарную пятидверную тойоту. – Хотелось поболтать с иностранкой. Вот оно, коварство товарищей!

– О чём ты говоришь?! Всё правильно мы сделали! Давай полезай! – наехал на второго лётчика командир, сложив вперёд спинку правого кресла, пропуская на задние сиденья Волкова и Бикбаева. – Знаешь, сколько ребят «не разлей вода» ссорились до пистолета, стоило возле экипажа замаячить крале?! В авиации сплошь и рядом. А у нас теперь, считай, своя иномарка. Что лучше? Поехали, мужики. Наши в Африке! – Симаков уселся на командирское место, хлопнул дверцей и гордо выставил правый локоть в окно с опущенным стеклом.

* * *

– Ma*am! Crew of United Nations Zero Four!⁵ – с лучезарной улыбкой представил экипаж прекрасной даме Сергей Марков, бортпереводчик Дмитриева, статный парень с кудрявой русой головой, в рубашке небесного цвета с воротником-стойкой.

Трёхдверный джип Симакова поравнялся с Валери правым бортом. «Освобождённая женщина Анголы за рулём крутого авто» даже не взглянула в их сторону, весело улыбаясь ребятам из соседнего экипажа.

Узкое, побитое временем и гражданской войной шоссе бежало из аэропорта в город. По правой обочине корабельные пальмы с зелёными кисточками на макушках мелькали, рябили, изображали телеграфные столбы на фоне вымершей зимней саванны. Засохшие, обглоданные саранчой кусты в терракотовом поле строили корявые рожи, пытались запугать чужаков. Но влетающий в кабины ветер был свеж, африканское солнце на голубом небосклоне стояло на весну, и души наполнялись адреналином, предвкушением новой жизни. Зима выше двадцати пяти по Цельсию устраивала вполне.

На въезде в Уиже дорога распадалась в вилку. Белая колонна с охранными «UN» на бортах пошла по левой, как выяснилось позже, по главной улице столицы северной провинции. Лавки, магазинчики, харчевни плыли по сторонам. Клаксоны, барабаны, крики – сотни звуков привлекали внимание счастливых европейцев. Жизнь в африканском городе кипела. Пару раз головной джип останавливался, лысый доктор высовывался в окно и, козыряя знанием местной лексики, разгонял хохочущие на его слова шайки аборигенов, больших и маленьких, коричневых и сине-чёрных, в одежде и без.

⁵ Сударыня! Экипаж Объединённые Нации, Ноль Четвёртый!

Поворот

Михаил Дмитриев считал, что лётчик должен быть красивым и наглым – скромняга подведёт в трудную минуту, а критические ситуации бывают. Пилот – высота, первый во всём – и в воздухе, и на земле, а рядом штурман, но обязательно второй, иначе не будет слаженного экипажа. Они с Храмовым в связке четвёртый год. Понимание не то что с полуслова – с полувзгляда на расстоянии! Летали на всех машинах эскадрильи.

У бортехников расклад другой. Там каждый досконально должен знать свой аппарат, где что болит, чем скрипит, откуда капает. Борtach – птица, окольцованная железом, а потому чаще в масле на гнезде, чем в небе. Не дай бог замена двигателя или капремонт, он, бедолага, полгода крыльев не расправляет – лётчик так не может.

Командир полка назначил шесть бортов в Анголу, Сашку Якушева с его обласканной Василисой (Ми-8) сразу включили в список, а Михаилу пришлось побегать, похлопотать за них с Костяном. А дальше они снова – высота.

Открывая пассажирскую дверь шикарной тойоты, Дмитриев не сомневался – француженка будет его. Кого же ей ещё хотеть? Сильный, красивый и лётчик. И если она – Мирей Матье, как кто-то там заметил, то он – Дитер Болен, и это в эскадрилье говорили все, а за роскошной шевелюрой он следил. Синий олимпийский костюм и сейчас подчёркивал его накачанную грудь.

– Хеллоу, Валери! – приветствовал Михаил иностранку, встретившую его улыбкой за рулём «Лендкрузера» последней модели. – Серёга! – бросил командир переводчику назад. – Спроси, давно ли в Анголе? Кого это она провожала? Наверняка не мужа. Скажи, что лучшие лётчики на её борту. Наш «Ноль Четвёртый» – белый! Не камуфляжный там всякий. Я командир. Готов учить её летать.

Тойота мягко тронулась, замыкая колонну. Сергей Марков на заднем сиденье по центру придвинулся вперёд, ближе к Валери и Михаилу, и перевёл речь командира с некоторыми дипломатическими правками.

– Мы лётчики, не пилоты, Серж, на будущее! – вполголоса заметил ему командир, вслушиваясь в перевод.

– No! – рассмеялась Валери. – Не муж – коллега! Работал в Уиже до меня, улетел на неделю в Намибию в отпуск. Потом на юг – в Квандо-Кубанго. Там трудно – много беженцев. Вижу, все знают моё имя, а как зовут вас, господа пилоты?

– Майкл, Алекс, Серж, – начали козырять ребята знанием своих имён на иностранном языке, Константин замялся.

– No! – со смехом возмутилась Валери. – Хочу знать ваши настоящие имена! Как это звучит по-русски?

– Михаил! – гордо произнёс Дмитриев и поправил шикарный чуб левой пятернёй.

Ребята на заднем сиденье хмыкнули, переглянулись, отношение иностранки к русским именам пришлось всем по душе, и они по очереди представились.

– Валери! А почему на дверцах у тебя пять букв, а не две, как у всех? – сходу начал расспросы штурман Храмов. – Что означают? Комитет помощи беженцам? А антенна такая здоровая на правом бампере на сколько километров берёт? Сто пятьдесят? Очень удобно. Классная радиостанция! – восторгался Костя. – Тоже японская? Здорово! С вертолётом можно связь держать, легко!

За спинкой водительского кресла штурман чувствовал себя не в своей тарелке – не на правой чашке, и недостаток визуального обзора компенсировал лексическим напором.

– А сколько ещё девушек в Уиже служат по линии комитета помощи беженцам? Ты одна и руководишь миссией в двух провинциях? Остальные сотрудники из местных? Жаль! Сколько

стоит этот аппарат? Сорок тысяч долларов! Кранты! Моя новая «шестёрка» (ВАЗ-2106) на две штуки баксов тянет! А тут двадцать жигулей можно было взять! – не давал никому раскрыть рта штурман.

Пришлось Дмитриеву утихомирить второго лётчика.

– Shut up, Костян! Дай нам поговорить! – засветил он знание иностранных языков.

Разговор дальше пошёл о семье и школе. Валери со смехом отвечала, спрашивала. Сергей в проёме двух передних кресел был к ней близко, переводил на автомате, и на него нахлынуло волнение.

Не ожидал он, что девушка из Европы так просто будет общаться с русским экипажем. А языковой барьер? Кажется, всем только в радость. Приятный мягкий голос с кратким «ноу», тёмно-каштановое каре с нежным ароматом цветущих мандаринов, смуглая шёлковая кожа, изысканный стиль в одежде – всё казалось Сергею удивительным и необыкновенным.

У однокашников давно были жёны, дети, а он чего-то ждал. Четверть века от роду, десять из которых – по полигонам, казённым хатам. Суворовское училище, военный институт, Кандагар, Мары. Везде товарищи, мужская служба. А женщины – были, кажется, но какие-то временные, в отпусках и не всерьёз. А эта хрупкая и смелая, такая неожиданная и близкая, здесь...

Я верил, что случится так:
Двоим, не расплескавшим чувств,
Судьба даст знак,
Предложит самолёт, автомобиль,
Связать концы дорог из тысяч миль.
И на краю в объятья бросит со всех сил...
Я без тебя не мог. Я о тебе молил.

«Это Бродский или уже нет?» – размышлял он.

Волнение не отступало. Сергей смотрел на её руку, локоть, на изящные складочки, линии запястья, на красивый маникюр в бесцветном лаке, на то, как она держала руль, переключала передачи. Ему хотелось коснуться этой кожи и заслонить от чужих липких взглядов.

Валери в дороге улыбалась. Она знала, какое впечатление производила на мужчин, чёрных и белых. «Аргентинцы, французы, теперь русские. И это первый день! Что с ними будет через неделю? – смеялась она в душе. – Пусть стреляются – заведу ухажёра в каждом экипаже. Буду жечь деньги пачками, как неукротимая Настасья у Достоевского в “Идиоте”. А что? В кванзах – вполне реально. Шефу Аммане скажу, что изучала русский характер, ничего больше. Как там начальник говорит: “В мужском коллективе – верность одному, другие будут уважать?”»



У Дона Педро

Колонна белых джипов медленно продвигалась по городу, стараясь не зацепить спящую повсюду детвору. Через пару километров, в центре, за тёмно-серым домом с винным бутиком на первом этаже, высокие витрины которого были уставлены сплошь бутылками с одиноким шевалье на этикетках, машины повернули направо на узенькую улочку и остановились. Слева, на жёлтом четырёхэтажном здании красовалась облезлая вывеска «Hotel Para Estrellas», под ней висели такие же драные пять звёзд. Напротив, в тёмно-зелёном цоколе трёхэтажного дома, – одноимённый ресторан.

– Отлично! Тут не заблудишься! – авторитетно заявил борттехник Волков, с кряхтением выползая на свободу с заднего сиденья трёхдверной тойоты. – Ориентир надёжный – первый поворот за «Доном Педро»!

– Не понял, – удивился доктор у соседнего автомобиля, – почему Педро?

– Ну, тот мужик – в витрине на бутылках, которыми заставлены все окна, – ухмылялся Волков.

– А-а, «Мушкетёр»! – рассмеялся доктор Николай Николаевич. – Местная водка – вонючий самогон.

– Из чего гонят? – заинтересовался штурман Бикбаев.

– Говорят, из бананов, но я сильно сомневаюсь – гадость ужасная. «Дон Педро» – здорово! Отличное название, по-нашему. А вот и коменданты «Марриотт-отеля» Питер и Хелена! – представил доктор молодую немецкую пару у входа в гостиницу. – По поводу размещения – все вопросы к ним, а я умываю руки. И вам советую делать это как можно чаще.

Добропорядочные бюргеры мило улыбались, приветливо махали русским: «Хай!».

У открытых багажников белых джипов сустились лётчики: вытаскивали сумки, чемоданы. Для неугомонного Волкова это были отличные зрители.

– Дойчланд? Люфтваффе? – громогласно подошёл он к Питеру, держа правую ладонь у пояса пистолетом.

– Nain! – скромно улыбался ему немец. – South Africa. Secret Service⁶

– Опа! Почти коллеги, значит, – удивился борттехник и добродушно протянул руку такому же рослому парню с высоким лбом и длинной русой челкой, в зелёных штанах и серой клетчатой рубашке без рукавов.

Его подруга с тёмным хвостом на затылке, в салатовом платье рядом состроила невинные глазки сквозь очки в позолоченной оправе.

– Ребята, дуйте наверх! – крикнул доктор. – Через час обед в кафе напротив.

Народ фразу оценил, и ресторан с убогим меню «Пара Эстреллас» (для звёзд) упростили в обиходе до кафе «Напротив».

Когда замыкающая караван тойота остановилась у гостиницы, ребятам из экипажа Дмитрия не хотелось выходить, но... Они поблагодарили девушку за отличную компанию и пошли доставать вещи из багажника. Валери повернулась назад за кресло и спросила:

– Господа пилоты! Есть кассета с русскими песнями?

– Конечно! – Сергей Марков будто ждал этого вопроса, тут же направился к двери водителя, из синей сумки, висевшей на плече, достал и протянул девушке два потёртых футляра «90 минут». – Лучшее: «Браво» и Сюткин! – улыбался он ей, сильный, весёлый, ворот нараспашку.

Когда «Лендкрузер» Валери отъехал от гостиницы, Дмитриев подошёл к Сергею и спросил:

– Что она хотела?

⁶ ЮАР, спецслужба.

– Просто кассету на русском.

– Просто кассета на русском есть у меня – Тальков например. А ты впредь переводи всё, что она говорит. Я понятно излагаю?

Марков кивнул головой и отвернулся.

Комендант отеля Питер разместил русских лётчиков на четвёртом этаже в трёх номерах правого крыла. В дальнем угловом стояли десять коек, в двух стандартных ближе к выходу – по четыре. Удобства – через коридор, «для звёзд» предусмотрительно с окном, в каморке с ванной на фигурных ножках и унитазом. Смыв – тут же, эмалированным ковшиком из оцинкованного бака на три ведра.

Через два квартала от гостиницы «Пара Эстреллас» Валери свернула в район частных вилл.

Утонувший в роскошной зелени трёхэтажный особняк, который снимал ооновский комитет помощи беженцам для сотрудников, её совсем не радовал. По приезду она выбрала маленькую спальню на первом этаже между кухней и комнатой охранника. Было неуютно. Ночью огромный дом давил пустыми этажами, сыростью заброшенных помещений, запахом старой мебели, скрипом разошедшихся дверей и окон. При встрече в коридоре анголец пугал белками глаз. Бартез ночевал у девочек из миссии «Доктора без границ» на одноэтажной вилле в конце улицы. Он до последнего надеялся, что Валери его простит, до этой командировки они были вместе. Подруга приехала на аэродром, чтобы его проводить, но и только.

Машина остановилась у ворот, водитель заглушила дизель. В саду прелестно щебетали птицы. Войти в огромный пустой дом ей не хотелось. Валери достала кассету с надписью «Браво», сделанной синей шариковой ручкой, и вставила в магнитолау.

* * *

Обед в кафе «Напротив» состоял из половника лукового супа на плоской тарелке, одной сосиски с рисом и чашки крепкого чёрного кофе с местных плантаций. Кетчуп в красной пластиковой бутылке закончился сразу, и оказалось, что другой приправы в ресторане просто нет. Но лётчики не унывали: на четвёртом этаже в баке с водой уже остывала двухлитровая бутылка спирта «Рояль» и консервы в достаточном количестве оттягивали каждый чемодан. Потешаясь над кухней ресторана, экипаж Дмитриева вышел из дверей заведения. Машину Валери в тени харчевни было трудно не заметить. Водитель в стильном розовом костюме стояла рядом, красивая и гордая.

– Сергей! – обратилась она к Маркову. – Майкл хочет сегодня устроить вечер знакомства для всей миссии. Мне нужен переводчик и сильные руки. Посоветуй кого-то! Ты всех знаешь.

– Я к твоим услугам, и лучше не найдёшь! – сходу выпалил Марков, не сомневаясь ни минуты. – Готов ехать. Два слова с командиром, и вперёд.

Дмитриев под козырьком ресторана сразу заподозрил неладное по цвету пиджака на даме. Только он размышлял о подруге и водителе в одном флаконе, как сразу вводная на старте – его бортпереводчик Марков!

На вилле докторов

– Михаил! – подошёл Сергей к командиру экипажа. – Ооновцы затевают вечер знакомств. Валери просит помочь с подготовкой. К ужину буду как штык, – спрашивался он, не сомневаясь, что получит разрешение.

– Не понял! – изобразил обиду Дмитриев. – Техники на аэродроме пашут, мы все, значит, сейчас будем в муравейнике жариться. А ты, такой красивый, укажишь с бабой крутить? А как же экипаж, солидарность? Или переводчики таких понятий не слыхали?

И без знания русского языка Валери поняла, что начальник Сергея полез в бутылку. Ну, как же! Он ещё в машине двигал к ней локоть, выпячивал грудь, прихорашивал волосы, бросал томные взгляды. Два года в Африке научили её работать в мужском коллективе, определять риски, ставить задачи и добиваться своего. Мягкой поступью Валери вышла из тени.

– Сергей! Пора ехать к «Докторам без границ». – Она улыбалась, но всем видом показывала, что не привыкла отступать. – Там на вилле отличные условия для танцев. У тебя сейчас свободное время? А вечером ты покажешь друзьям, как туда добраться.

Экипажи Симакова и Скворцова, вырвавшиеся из кафе на свежий воздух, встретили новость в переводе Авдеева дружным одобрением. Волков, сорокалетний здоровяк, по случаю обеда в шортах и голубой тенниске, с усмешкой заявил:

– Мишаня! Вы в экипаже как хотите. Дело семейное, конечно, но не губите танцы! Не поверишь! Всю жизнь мечтал, чтобы вот так в Африке – и танцы. Зов предков, наверное.

– Сколько Вована знаю – всегда такой! – с гордостью и смехом хвалился Симаков Скворцову, командиру ноль пятого борта, соседу по четвёртому этажу.

Его молодой борттехник Джоник (Сергей Синицин), русский олимпиец в голубой синтетике и кедах, воодушевлённый неожиданно свалившимся застольем, обнял Волкова за плечо и раскинул пальцы веером.

– Кто тут против танцев? Кто на нас с Володей?!

– А-а! Катитесь вы, куда хотите! – махнул рукой Дмитриев, признав, что перегнул палку. – И то верно, кто же против вечеринки, да ещё с «Докторами без границ»?! – ехидно усмехнулся он, и в обнимку с другом Костяном (со спины – меньшая копия), оба в белых теннисках и синих шортах, они гордо двинули к отелю.

На площадке у входа штурман Храмов, с причёской под командира, чуть короче, вывернулся из-под его руки и уточнил:

– Заметьте, мужики, это наш экипаж для всех заработал танцы.

Заручившись поддержкой доброй половины лётного отряда, счастливая парочка сбежала на белом «Лендкрузере», а весёлые летчики бегом рванули по лестнице на четвёртый этаж за вторым обедом и ста граммами «с устатка».

Безымянная улочка в три дома, на которой поселились русские экипажи, после обеда утонула в африканском солнце. Ресторан-кафе «Напротив» ещё хранил остатки утренней прохлады, но постоянный двор «Пара Эстреллас» внутри напоминал пекарню. Вот вам и зима.

Между тем комендант Питер расщедрился – освободил от местных постояльцев левое крыло на верхнем этаже. Там оказались два номера «люкс», уютные, без туалетов, на четыре койки, и один – на две. Командир первого экипажа и лётной группы Валерий Бондарев распорядился заселять народ по спискам. Симакову досталась комната в конце коридора на двоих со штурманом, поэтому Волков с Авдеевым остались в общей комнате на десять душ в противоположном крыле, в неё позднее подселились техники.

– Витёк, не колотися! Тут лучше – балкон на всю хибару. Жить будем скромно, в соседних тумбочках, наземники нас станут уважать.

– Здорово! – радовался Авдеев, что у него такой товарищ, и он остался не один из экипажа. – Вместе хоть в Африку!

– Вместе весело гулять по просторам, – тут же подхватил неунывающий Волков, швырнул большую вещевую сумку к койке под левое окно. – Опа, опа, жареные раки. Приходи ко мне домой, я живу в бараке, – завалился борттехник на одеяло, сунув руки за голову на подушку.

После ужина желающих остаться в гостинице не нашлось. На танцы отправились всей толпой, двадцать восемь человек. Эскадрилья шла по вечернему Уиже с шутками, огоньками сигарет. Сергей Марков показывал дорогу. Через два квартала они свернули налево в низину, за которой начинался частный сектор с дорогими заборами и тёмными деревьями. Странно, что в пути они и не встретили никого из местных жителей, хотя было не поздно. Белые машины у ворот справа были видны издалека. Красная черепица приземистой крыши одноэтажной виллы почернела от времени и старых листьев, слетевших с крон двух больших деревьев у входа. Гладкие стволы колоннами подпирали ночное небо. Тёплый зимний вечер, не ниже 23 градусов по Цельсию, мягко окутывал уютную зону патио на заднем дворе.

Ооновцы прикатали на трёх джипах во главе с начальником миссии Майклом и шефом безопасности Яном.

Николай Николаевич привёз две супружеские пары русских докторов, чем вызвал огромный восторг у лётчиков. Встретить своих далеко от дома было поистине счастьем.

Каждый захватил, что мог, и получился отличный фуршет. Основные хлопоты легли на плечи Валери и «Докторов без границ» из Испании. Рамона и две Марии были слегка шокированы таким количеством гостей, но не растерялись. Они жарили сосиски, орехи, разливали белое и красное вино, гремели посудой, рюмками и сотворили праздник. Экипаж Симаклова притащил японскую магнитоу, единственную материальную ценность, которая осталось у Авдеева после Афгана. Красный двухкассетник «Шарп»-twin отлично громохал на всю округу.

Русские доктора Катерина и Павел были из Москвы, Пётр и Нина – из Омска. В условиях дефицита дам Волков не отходил от Кати, высокой блондинки лет тридцати пяти в жёлтом платье, а главный техник, кучерявый здоровяк Василич, лет сорока семи, в вишнёвом джемпере, натянутом на пузо, опекал свою ровесницу шатенку Нину в фиолетовом сарафане в белый горох. Мужьям Петру и Павлу в блёклых штанах и серых рубашках пришлось пытаться счастья с иностранками, коих было по одной на десять парней. Оставалось болтать с лётчиками о больших переменах на родине.

Испанки не хотели танцевать, прятались за делами на кухне, за рюмками и прочей посудой. Авдеев думал, как их переубедить, и обратился за помощью к Валери. Та рассмеялась, сбегала в машину за кассетой «Джипси Кингс» и вывела девушек на круг.

Красавица Рамона с римским носом в пурпурном сарафане распустила чёрные волосы на плечи и пошла в цыганском танце. Симпатичная Мария с острыми глазами и светлым перманентом, в голубом брючном костюме отбивала каблуками ритм вокруг. Приятная Мария, склонная к полноте брюнетка с короткими кудрями и мавританским прошлым своих родителей, горой стояла за подруг в морковном платье с веером.

Мужчины любовались страстными испанками, дружно хлопали, а потом решили, что и сами достойны танцевать рядом, в образе начинающих тореадоров. Оставшимся в стороне наблюдателям тоже нравился этот групповой фламенко.

Сергей Марков был далёк от танцев. Он любовался Валери. Она под музыку в тени деревьев красивыми руками рисовала иероглифы и вязь.

«Танцует для меня! – радовался он. – Как было здорово сегодня просто ехать рядом, встречаться с разными людьми и чувствовать её руку, локоть, даже грузить продукты в машину вместе. Она смеялась, ей было хорошо со мной, я видел. Хочу её обнять – нужен подходящий танец».

– Витя! Поставь медляк из «Денжерос» «Give in to me», – решился Марков. – Пусть Джексон скажет, он умеет.

Авдеев улыбнулся и выполнил просьбу. Зазвучало вступление. Сергей подошёл к Валери.

«Отдайся чувству,
Отдайся страсти,
Уступи мне, стань моей»,

– убеждал исполнитель, вырывая фразы из сердца.

Композиция закончилась, а Сергей и Валери не отпускали друг друга. Они обнимались всю следующую песню, а потом ещё...

– «Я давно сочинял этот танец,
Мне являлись его пируэты
По ночам в Афганистане,
Где ходил и ползал по свету.
Я искал по дискотекам:
Шёл по запаху и на ощупь,
А меня встречали со смехом,
Говорили: двигайся проще.
А сегодня мне этот танец,
Нежный, ласковый, сероглазый,
Лёг на плечи твоими руками.
Ты его придумала сразу».

– Это песня? – тихо спросила его Валери.

– Это танец, – ответил Сергей, она понимающе кивнула, – я слышал его в Кандагаре у Розенбаума, может, забыл или перепутал какие-то строчки... Валери! Если тебе понадобится построить в жизни что-то большое или разломать старое до винтика – позови! Я смогу быть лучшим!

– Всё так серьезно? – она прятала за улыбку свое волнение.

– Я хочу семью, – произнес Сергей медленно, глядя прямо в её глаза.

Она кивнула и опустила глаза. Никто не говорил ей о своих чувствах так скоро и понятно.

* * *

Народ на вилле «Докторов» веселился от души. Медленные композиции сближали людей, быстрые придавали им страсти.

«Эй, братан, поворачивай к чёрту! Видишь, вокруг не наши огни» – эту забойную песню Игоря Сукачёва за вечер ставили раз десять. Под неё танцевали большим кругом в обнимку, дружно задирая ноги перед собой. Голландец Ян, швед Йорген, канадец Майкл – никто не устоял перед талантом автора-исполнителя и задором русских лётчиков. Симаков с Авдеевым старались не отстать от Волкова с Джоником.

«Пускай я никогда не встречал в Африке рассвет» – песня Сюткина шла на ура за полночь, как и «Я то, что надо!» Их в который раз сменял концерт Майкла Джексона «Денджерос». На танцах лётчики познакомились с пышной чернокожей красавицей Маргарет из Кении, с милой дамой в очках Эмили из Австрии. На огонёк прибежали две длинноногие соседки с шикарными вьющимися пучками волос на затылках, две сестры в чёрных кожаных костюмах

мини. Все были восхищены их пластикой и удивительными движениями под музыку, но от парных танцев с европейцами они отказались категорически.

Прощаясь ночью, доктор Катерина расчувствовалась, всех обнимала, приглашала в гости на субботу. Предложение встречаться чаще, было принято на ура. В суматохе общего веселья никто и не заметил, что Сергей и Валери давно сбежали с вечеринки.

Музыка с виллы «Докторов» долго звучала в мягкой африканской ночи. Сюткин с Джексонсом уверяли, что нет разницы, кто ты – «чёрный или белый», если «никогда не встречал в Африке рассвет». Но город, уставший от гражданской войны, настороженно спал, и улицы его были пусты.

Глава 2. Принцесса

– Знакомься! Садовник Жозе – моя охрана, – представила девушка ангольца с крупными чертами лица, когда захлопнулась металлическая калитка.

Сергей не сразу заметил его фигуру на фоне живой изгороди.

– Боа нойте! – протянул он руку ангольцу и ощутил крепкую ладонь, видимо, военного человека.

Спрятанные под кустарником фонари выхватили тусклым светом шагающие по каменной дорожке кроссовки, джинсы, стоптанные сандалии и снова погрузились в дрёму.

– Жозе! Хочешь бокал вина? – предложила Валери садовнику, когда тот отпирал ключом боковую дверь особняка.

– Я не пью вина, Валери, – ответил он, показав хитрую белозубую улыбку.

– Тогда, может, бренди? За первые выборы! – нашёл хороший предлог Сергей.

– Они, увы, не первые, дон-синьор. А чтобы двое могли спокойно пить вино, третьему самое место во дворе на страже.

– Ты как всегда, Жозе, удивляешь мудростью, – улыбнулась Валери.

Охранник остался в саду, а Сергей вошёл в дом. Он с большим интересом следовал за своей избранницей по узкому, едва освещённому коридору.

– Центральный вход через ворота, справа, где стоит машина, – пояснила она, – но там навалены мешки с маисом и всякой всячиной, а здесь таинственная жизнь, как в детстве.

Всё восхищало Сергея: красивый сад, три этажа под фигурной крышей, безоблачная ночь и главное, что они вдвоём. Давно он не испытывал подобного волнения. Его сердце бухало в нагрудный карман голубой рубашки. Дом, казалось, отвечал осторожным эхом из глубины.

Валери провела его через кухню в зону патио. Сергей вдохнул полной грудью зимнюю ночь августа. На площадке из серого камня, обрамлённого фигурным кустарником, шесть пар смело могли бы кружить вальс или танго.

– Это что за фикус с грушами? – удивлённо спросил Сергей, трогая ветвь с тёмно-зелёными плодами в свете кухонного окна.

– Ты никогда не видел, как растёт манго? – Валери нежно улыбалась. – Здесь это самый вкусный фрукт. Просто конец зимы, и они ещё неспелые.

– Манго и авокадо росли до сих пор как-то без меня, – развёл он руками, – но мы это поправим. А запах в саду очень знакомый.

– Я тоже удивилась, когда увидела изгородь из рута, – Валери провела рукой по молодым листьям, – большая редкость для Анголы, а в Швейцарии встречается в предгорьях, но не такой высокий.

– В ночь на Ивана-Купалу, в июле с шестого на седьмое, жёлтый рут для влюблённых распускает красные цветы. Но чтобы их увидеть, нужно прыгать через костёр и купаться нагишом. Хорошие праздники были у нас в старину, – веселился Сергей.

– Наш праздник сегодня не хуже, – смеялась Валери.

Она погасила свет на кухне, и в саду включилось небо. Ярких ночных звёзд, как на юге России, Сергей не увидел, но россыпь игол над их головами плелась нежнейшей кисеей, сгущаясь под горизонт. Розовый костюм Валери теперь казался коралловым, а его рубашка рядом почти белой.

– Южный Крест? – Сергей вопросительно повёл подбородком в сторону трёх звёзд над кромкой сада, пытаясь определить четвёртую в большом скоплении.

– Да! – Валери тихо прислонила голову к его плечу, обняв ладонями крепкую руку, – А Млечный путь рядом – Бриллиантовая Шкатулка.

– Никогда не думал, что они так низко над землёй. Есть легенда, что Адам и Ева любовались этим созвездием, пока их не выгнали из рая.

– Думаешь, это было в Уиже? – она зажмурила глаза.

– Теперь уверен!

– Как бы я хотела показать тебе Гану! Тот Южный Крест и тысячу водопадов. Думаю, Адама и Еву выгнали оттуда, и за дело. Там прошло моё детство. Папа был директором угольной компании. Нас с сестрой все любили. Мы носились по деревне с детьми, играли, где хотели. Ганцы всегда были приветливы и лишь немного опекали. Не помню, чтобы были серьёзные болезни или другие проблемы. Но всё когда-то заканчивается.

Отец купил дом на берегу Женевского озера, он был немолод, и мы с сестрой пошли в большую школу. Пришлось учить французский. В Швейцарии оказалось, что я похожа на маму-китайку. Сверстникам это ужасно не нравилось, а старшая сестра была в отца, и у неё сложилось всё отлично. Папа работал в Сиане инженером в компании по добыче угля. Там они познакомились с мамой, полюбили друг друга. Она была переводчицей. Потом правительство национализировало фирму. Ещё в той провинции нашли Терракотовую армию. Мы ездили её смотреть, когда отец был жив.

Сергей внимал печалю Валери, каждой нотке дражайшего голоса, сопереживал неостывшей детской боли своим сердцем, всё сильнее прижимая её к себе.

«Как же она страдала! Ребёнку, выросшему точно в раю, в свободе и любви, терпеть презрение от сверстников только за то, что он похож на маму?! От пузатых обжор в смокингах, от противных швабр-барби в чёрных платьях. Чувствовать себя изгоем в детстве – невыносимо! Нет! Теперь всё будет по-другому – я не позволю, буду рядом – навсегда!»

Сергей считал себя везучим. Его любили друзья. Он был сильным, весёлым. Наезды сверстников? Ну, разве что на первом курсе в кадетке, да и то один смех.

На вилле «Докторов» Игорь Тальков запел «Чистые пруды, застенчивые ивы». Сергей и Валери обнялись, слушая тихие лирические звуки, чуть покачиваясь в медленном танце.

– Ты служил в Афганистане? – она сделала напускной сердитый вид и заглянула в его глаза.

– Всего один год, – шутя, оправдывался он.

– Так и знала! – хлопнула она Сергея легонько по плечу. – Мне было пятнадцать, когда у вас шла олимпиада. Мы ужасно спорили с сестрой. Она на три года старше и хотела ехать в Москву. А я сказала: бойкот, пока не выведут войска! Дома требовала, в школе, вошла в роль активистки. Знаешь, меня тогда заметили и оценили. А мама пошутила: «Что-то, Валери, ты чересчур стараешься, из кожи лезешь вон! Смотри, выйдешь замуж за русского!»

– Валери! – Сергей прижал её голову к своим губам. – Ты моя ганская принцесса.

– А перед Анголой я пошла на ваш фильм «Урга», о нём говорили, мне было интересно, – ответила она покорным голосом.

– Только скажи! Я влезу на это манго, привяжу на самую макушку шест, хоть швабру, и мы объявим Ургу – никто не подойдёт! Всё вокруг – наша территория любви!

Геркулесовая каша

В отсутствие шефа персонал ресторанчика «Напротив» подавал на завтрак ну очень жидкий кофе. Манящий аромат свежееобжаренных зёрен, бывший в нос при входе в заведение, никак не вязался с содержимым чашек. Лётчики переглядывались, казалось, за соседним столиком смакуют чудесный капучино, а тебе досталась промывка аппарата.

– Думаю, и с Валери не всё так просто. А ваши испанки? «Танцевать не буду!», жмутся-мнутя – детский сад, – рассуждал о вчерашних событиях Волков, откусывая бутерброд, подливая себе чёрный чай из термоса. – Вот Катерина – Женщина! Мечта. Фигура, ноги – всё как надо. А глаза? Атлантика!

– Бабка моя говорила, – вступился за командира Симакова штурман Бикбаев, – крупные глаза у дамы – базедова болезнь.

– Ага. Скажет – как в лужу бз... Соблюдай приличия, Сервежа⁷, – за столом же.

– Как я должен был глядеть в её глаза? – морщился от nepотpeбнoгo кофе невысокий Симаков. – Подпрыгивать, что ли? Да и муж рядом.

– А когда это супруг мешал мечте? Наливайте, ребята, чего страдать – чай, он и в Африке чай, – двинул Волков компактный металлический термос от себя.

– А мне чёрненькая испаночка понравилась, темперамент, ух, в дрожь бросает, – не сдавался штурман.

– Катерина – это другое. Поговорить есть о чём. Своя! А ваши? Чёрненькая-беленькая. Что вы им скажете? Здрасте, бабоньки, боа нойте, дос сервеже?⁸ Витьку третьим берите. Будет вам в спальне переводить.

– Джентльмены! – В ресторан вошёл руководитель миссии Майкл с командиром Бондаревым и переводчиком Гуровым. – Приятного аппетита! Сегодня встречаем борт из Луанды. Урны для голосования, навигационное оборудование, сухие пайки для экипажей. Есть вопросы с транспортировкой?

– Витёк! – Симаков хлопнул Авдеева по плечу, гордо встал, оглядывая макушки товарищей. – Где там наш «Лендкрузер»?!

Пока на аэродроме ждали борт из столицы, организовали авиационный смотр, или час открытых дверей. Наблюдатели ООН в отглаженных песочных шортах, в рубашках с коротким рукавом и голубым шевроном чинно обходили винтокрылые машины, знакомились с экипажами. Друзей по вечеринке лётчики встречали объятиями, дам легонько целовали (было время) два раза, а хотелось три. Ооновские бейджики красовались рядом с нагрудными карманами, и все на «ты» произносили имена друг друга почти с восторгом. Недовольным оказался англичанин, проспавший вчерашнюю тусовку.

– Такие приборы со стрелками я видел только в старых «Ирокезах», – кисло заявил Джейк, усевшись на штурманскую чашку Бикбаева, песочная форма на тощем высоком парне висела как на жерди.

Волков поинтересовался:

– Это вы во Вьетнаме летали или в музее видели?

Авдеев замешкался с тонкостями перевода интонации.

– В жарком климате они самые надёжные! – пришёл на помощь командир. – Американцы до сих пор такими комплектуют.

– А это что за красная кнопка? – не унимался британец, указывая пальцем на «Пуск ракет» на ручке управления.

⁷ Имя созвучно с пивом (португальский).

⁸ Добрый вечер, два пива.

– А, это секретная система катапультирования, – выдал тайну Симаков, – только для экипажа, на случай отказа двигателей. Не взыщи, если будешь пассажиром!

– Мужики! – Штурман Бикбаев, счастливый как ребёнок, запрыгнул в вертолёт. – А француженка-то оказалась швейцаркой! Да ещё с китайскими корнями. С Храмовым разговаривал. У них фурур в экипаже, только Дмитриев как туча.

– А я что утром говорил, – обрадовался Волков, глядя в спину англичанина, покидавшего вертолёт, – вот вам и объяснение вчерашнего интереса: заложил-таки Ляксандра Василич Суворов в них уважение к русским.

– Ага, – скептически усмехнулся Симаков, – скажи ещё, что дело в руководящей роли КПК и генах великого кормчего.

– А что, – смеялся Волков, – организаторские способности у неё явно не от Наполеона.

На аэродроме не было только Валери. Лётчики в экипажах с юношеским задором обсуждали танцы на вилле «Докторов», им казалось, что весь мир – большая дружная семья. Для полноты картины не хватало американцев.

И вот они красивые с низким гулом на большом зелёном С-130 заходили в траверз ВПП в Уиже. Народ вышел встречать борт, русские предполагали чуть ли не братание на Эльбе.

Тучный «Геркулес» с визгом коснулся короткой полосы, пробежался с торможением и свернул на рулѐжную дорожку. Метров за сто до вышки четырёхмоторный крепыш притормозил. По тонкому трапу на бетон сбегала рослая американка с чёрным пучком на голове, в зелёной форме, с круглыми авиационными семафорами в руках и показала всей массовке «Стоп!». Народ застыл у вертолѐтов во внимании.

Мэм сигналами развернула транспортник к перрону задом, винты остановились, и завывала рампа. Вышедшие на белый свет военные люди обнимались со слезами на глазах, поздравляли друг друга с приземлением, обошли вокруг «Геркулеса» и приступили к выгрузке с помощью управляемой балки-крана.

Американцы очень убедительно играли высадку на Красную планету, тем более, что терракотовая пыль была повсюду, а режиссёр держала семафор: «Всем зрителям стоять!» Наконец, она повернулась к толпе и поманила пальцем: «Один, ко мне!».

Канадец Майкл вздохнул и как руководитель побрёл на зов пришельца. Получив кучу замечаний, он расписался в документах и вернулся к экипажу Симакова, который был ближе. «Геркулес» закрыл рампу, фыркнул и без до свидания сбежал на исполнительный старт.

– Кино и немцы, – усмехался Волков. – Нелегко вам в соседстве с инопланетянами, Майкл?

– Американцы всегда серьёзны, – буркнул тот.

– Вот Авдеев у нас серьёзный – болезнь молодости, а те ребята – каждый как мессия, не меньше.

– Вы, Владимир, бортинженер? Принимайте дополнительный топливный бак для вертолѐта, – решил сменить тему руководитель, подходя вместе с другими к месту разгрузки транспортного.

– Зашибись! – ответил Волков. – Я двумя руками «за», а там, как командир скажет. Геркулесовую кашу по сколько брать?

– Бери, Вован, и бочку, и кашу! – дал добро весѐлый Симаков.

– Сухой паѐк по две коробки на члена экипажа, в одной – десять обедов, – уточнил руководитель миссии ООН. – Начинаем работать, Илья! – с улыбкой уставшего от суеты человека Майкл протянул ведомость Симакову. – Распишись!

Так американский сухой паѐк в отряде стал «геркулесовой кашей», а в грузовой кабине UN-06 справа появилась большая жѐлтая цистерна. Второй дополнительный топливный бак в тот раз достался вертолѐту Скворцова.

Жизнь на неделе вошла в рабочую колею. Утром экипажи получали задания. Четыре, пять скреплённых парами пластиковых урн для голосования (чаще белая и голубая) на площадке у борта означали, что за день предстояло облететь такое же количество деревень. Обычно наблюдатели ООН сопровождали груз, но и без них лётчики доставляли всё, что надо, к месту назначения.

На приборных досках перед штурманами установили авиационные блоки GPS – отличные штуковины. Без них в зелёных джунглях многих деревень было бы просто не найти.

– Ну что опять, Серёга? Сколько ждать? Когда взлетаем? Что пишет твой прибор?

– Потерян спутник, командир. Ошибку выдаёт: «Два сателлита в зоне, only». Издеваются американцы, намекают: «Не будет, русские, маршрута, пока не станете всем скопом за нашего Савимби», – смеялся Бикбаев.

– За чёрного петуха?⁹ Передай америкосам через GPS, что у меня нейтралитет! Доставай карту! Или штурман забыл, что это такое?! – наехал Симаков.

– Всегда готов, командир! Только боюсь заировских зениток. Не пойму я, как они тут в джунглях границу метят.

⁹ Флаг движения.

Две Венеры и песня

О скором приближении весны на улицах Уиже напоминали дикие бананы. Многоярусные зелёные соплодия, подвешенные точно фонари на гигантских кукурузах, набухли, ошетились по сторонам, олицетворяя мужское начало с извечным призывом: «Ты позаботился о продолжении рода?»

В придачу к персональной тойоте Валери раздобыла джип с открытым верхом и на нём въезжала на аэродром к вертолётной стоянке встречать Сергея. Он прилетал, бежал навстречу, обнимал её, запрыгивал на водительское место, и на таком кабриолете они мчали по аллее корабельных пальм. Никто не мог устоять перед обаянием влюблённых. И лётчики, и ооновцы встречали их счастливыми улыбками, усталые сердца теплели, и кто-то с грустью вспоминал свои счастливые деньки, а кто-то беззаветно верил, что и его любовь нечаянно нагрянет. Вся миссия «ЮНАВЕМ» в Уиже, за малым исключением, гордилась международной парой и старалась оберегать молодых.

В последнюю неделю августа Валери была частым гостем на борту Симакова. Его экипаж был заряжен на дальние полёты вдоль границы с Заиром, и для неё, руководителя комитета помощи беженцам в северных провинциях, это была отличная возможность доставлять продовольствие в труднодоступные районы Анголы. Как член международной миссии Валери знала план полётов на ближайшие дни и всегда встречала понимание со стороны русских экипажей.

– Илья! Хай! В Квимбу? – Валери с высокой чернокожей девушкой подбежали к вертолёту с литерой UN-06.

– Хай, Валери! Ес, Квимба – Макела-ду-Зомбо – Бэу! – запросто объяснял свой маршрут на день Симаков.

– Знакомьтесь! Лили – восходящая звезда Африки, поёт не хуже, чем Мэрайя Кэри.

– ОК! Значит, споём, – улыбнулся Симаков в усы, бросил оценивающий взгляд на девушек с ног до головы и добавил: – Да вы обе как Венеры!

– Спасибо за комплимент, Илья! Не забудь про нас на обратном пути! – смеялась Валери, сунув руки в джинсы, а Лили закатила огромные глаза в кокетливой улыбке. – Сейчас мешки принесут, – добавила руководитель по правам беженцев.

– Ноу проблем! – подтвердил Симаков. – Экипаж, воротнички к осмотру! Дамы на борту! – крикнул он в открытую дверь грузовой кабины, показывая, кто в доме хозяин, впрочем, последнюю фразу Авдеев счёл для служебного пользования и переводить не стал.

Чернокожая Венера в синем платье за спиной командира вытаращила глаза и стала трясти длинными пальцами, указывая на его шею. Валери поняла, в чём дело.

– Илья! Этот красный волдырь у тебя давно?

– Ночью заметил. На спине тоже чешется. К вечеру на аэродроме много здоровенных комаров, – ответил он, сморщив нос.

– Сними футболку, посмотрим!

Все принялись изучать спину Симакова. Борттехник со штурманом тоже выпрыгнули из вертолёта. Лили что-то очень эмоционально объясняла Валери на французском. Та перевела:

– Илья, ты мокрую футболку надевал?

– Нет. Обычно я летаю в рубашке. Сегодня в майке первый день – из-за нарыва, – указал он рукой на шею.

– Тут три волдыря. Лили говорит, ты постирал и не погладил рубашку утюгом, потом вспотел – вот результат. Теперь не чеши и не выдавливай. Жди, когда личинки сами выйдут. Двадцать дней придётся потерпеть, иначе будут большие проблемы с кожей. В Африке много насекомых, которых называют наездники, они откладывают личинки в мокрую одежду, а те

проникают в кожу, как только она прилипает к телу. Все вещи нужно сушить в помещении и хорошо пропаривать утюгом.

– Как же здесь народ жил раньше, без глажки? – удивился Симаков.

– Так и жили, – ответила Валери, – может, поэтому одежду и не носили, но животные из-за насекомых сильно страдают.

– Вот оно, командир, как форсить в Африке, стирать и менять рубашки каждый день, – Волков с сочувствием опустил уголки губ вниз. – Ты у нас теперь навроде живого инкубатора. Фильм «Чужие» смотрел? Сергуня, – повернулся он к штурману, – следи за шефом, особенно ночью, а то ведь на тебя переползут.

– Кончай зубы скалить! Не уберегли командира?! – наехал Симаков. – Так, экипаж! На обратном пути отрабатываем экстренное покидание вертолёт на малых высотах, на первый раз – с парашютом.

– Командир! Разреши остаться на земле, обещаю гладить утюгом? – сдохмил Волков.

– Не разрешаю! Прыгать будут все, кто без волдырей. Поехали!

Ангольцы принесли коричневые мешки с трафаретной надписью «UN Mais», экипаж и пассажиры заняли места, машина покатила на исполнительный старт.

– Валери, как съездила в Луанду? – старался перекрыть шум винтов Авдеев, присев рядом с Венерами на сидишку правого борта. Левый был занят жёлтым баком с топливом.

– Фотоплёнку «Агфа» для тебя купила, но не всё получилось, что запланировала! – также громко отвечала она, перегнувшись через Лили. – Познакомилась с вашим Спиваком. Очень жёсткий начальник. Знаешь такого?

– Спасибо за плёнку! Видел его пару раз! – Авдеев был знаком с Юрием по институту (когда-то оба слыли раздолбаями, теперь Спиваку импонировал надменный образ американского босса, и старых товарищей он предусмотрительно забыл).

– Крутой начальник! Отвечает за фрахт российских вертолёт и за контракты с экипажами. А ты как на него вышла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.